

Однажды на охоту отправился король, который правил самым большим королевством на Земле. С ним была многочисленная свита. К концу же охоты с ним остался лишь один старый ловчий. Вместе они гнались за большим оленем по его следам.

И вот король, наконец, настиг царственного зверя – это было у поросшей вереском лесной прогадины, – но внезапно, как бы поражённый невидимым ударом, споткнулся под королею его благородный конь. Сам король, метивший в оленя, упал так неудачно, что его собственный меч вонзился ему в сердце. Король умер, лёжа на вереске, не сказав ни единого слова.

Вельможи, узнав о смерти короля, были поражены и опечалены. Они похоронили его с большими почестями, а сами остались без совета и без утешения.

Трудно было государству. У короля не было наследника. Его единственный сын, родившийся в один день со своей сестрой, умер, когда ему было год от роду. Умер ужасной смертью. А четыре года тому назад от печали угасла и королева, несмотря на радость иметь прелестную дочку. Этой дочери, единственному ребёнку короля, было теперь восемнадцать лет, она была такой же милой и доброй, как и в детстве, но разве могла она управлять королевством?

Вельможи всё совещались и совещались. И, наконец, решили: «Другого выбора нет – королевская дочь должна выйти замуж, чтобы мы могли получить настоящего правителя государства». Тогда встал самый старый вельможа, близкий друг короля, и сказал: «Хорошо, но это не так просто». И он рассказал, что однажды, уже очень давно, король сказал ему: «Моя дочь может выйти замуж лишь за того, кто пройдёт через три испытания: серебряное, золотое и алмазное. А в чём состоят эти испытания, я расскажу лишь моей дочери, когда ей исполнится трижды семь лет и тогда только я открою ей великую тайну».

Теперь и эту тайну и смысл испытаний король унёс с собой в могилу.

Вельможи были смущены. Но они сказали: «Государство не может оставаться без короля». И вот они решили сами устроить испытание. В одном из залов дворца они велели выставить самую лучшую серебряную утварь короля, в другом – все золотые сокровища, а в третьем – самые избранные алмазные драгоценности. И вот они оповестили всех: испытание выдержит тот – всё равно принц, ремесленник или нищий – кто принесёт серебряный сосуд, светлее, чем лучшая вещь в серебряной казне короля; у кого будет золотая драгоценность тяжелее, чем самая древняя вещь в золотой казне короля; тот, кто покажет алмаз твёрже, чем камень в наследственном перстне, короля.

Со страхом и печалью отнеслась к этому королевская дочь – но всё это было объявлено и в самом государстве, и во всех соседних странах.

И тогда съехались самые знатные, самые богатые и самые отважные юноши всех стран, чтобы добиться руки прекрасной королевской дочери, и вместе с ней и всего королевства.

Но никто не выдержал испытания. И это было ужасно. Потому что вельможи поставили условием: тот, кто не выдержал первого испытания, будет обнажённым брошен на скалу коршунов; тот, кто не выдержит второго испытания, будет безоружным брошен в пропасть рысей; а тот, кто не выдержит третьего, будет отдан дракону в озере дракона.

Большинство не выдерживало и первого испытания; а немногие, которые смогли пройти и через второе, наследные принцы самых знатных королевских родов, терпели поражение в третьем.

В наследственном перстне короля был алмаз, по названию «Колун», он раскалывал все камни, против него не устоял ни один.

Умерло очень много юношей. Королевство мучилось без короля. А самой несчастной была королевская дочь, потому что ей приходилось приносить столько горя. Много плакала она по ночам. Но от слез своих она становилась ещё прекраснее.

Однажды, незадолго до того дня, когда ей должно было исполниться трижды семь лет – она решила сделать то, что она делала очень редко, – немного покататься. Она поехала в закрытой карете, лишь изредка застенчиво выглядывая сквозь шёлковые занавески окон.

Но на большой дороге одна из лошадей внезапно споткнулась. Она потеряла, подкову и захромала на одну ногу. Карета остановилась.

Королевская дочь удивлённо выглянула. Сначала около лошади стал возиться один кучер, потом камердинер, но у обоих ничего не вышло. Как раз в это время мимо них шёл молодой странствующий подмастерье. Твёрдый шаг, ясный взгляд, крепкая осанка.

Он посмотрел, как они оба трудятся и засмеялся. Ударил камердинера по плечу и сказал: «Я тоже не знаток этого дела. Я – оружейный мастер. Но всё же, пожалуй, у меня выйдет». Он развязал свой мешок, взял в руки странный инструмент, и вот подкова крепко сидит на месте.

Королевская дочь выглянула из кареты и весело забила в ладоши. Оружейный мастер поднял голову... Молоток почти выпал у него из рук и он так покраснел, что топнул бы ногой о землю, если бы это не было неприлично.

Так он и остался стоять на дороге, хотя сам был готов сквозь землю провалиться.

У дочери короля был тоже странный взгляд. Но она так нежно улыбалась... Она сняла с шеи золотую цепь тонкой работы с маленьким алмазным замочком. «Это в благодарность. Другой награды сейчас у меня нет», – сказала она звонким нежным голосом. И прежде чем успел оружейный мастер отказаться, она откинулась назад за шёлковые занавески, и карета поехала дальше.

Оружейный мастер тоже пошёл по направлению к королевской столице. Руку он положил на сердце – словно его надо было удерживать.

Разыскав гостиницу, он заказал себе поесть. За едой он увидел, что в комнату вошёл человек в богатой цветной одежде. Хозяин ему дружески поклонился, принес тотчас же самых лучших кушаний и стал о чём-то серьёзно разговаривать с незнакомцем.

А оружейный мастер пристально разглядывал незнакомца. «У кого острое лицо, у того должен быть острый ум. Это – знатный человек».

Когда хозяин отошёл в сторону, оружейный мастер собрался с духом, подумал: «Я спрошу его» – и пошёл к пёстро одетому человеку.

«Господин, не скажите ли вы мне, кто король в этом королевстве?»

Незнакомец был сокольничим королевского двора. Пристально посмотрел он на оружейного мастера и сказал коротко и презрительно: «Вы должно быть издалека, если вы этого не знаете».

Оружейный мастер смутился. Когда сокольничий, а он, в сущности, был добродушным человеком, увидел это, он пригласил молодого человека сесть за его стол и со вздохом сказал: «На это сразу не ответишь».

И он рассказал оружейному мастеру, как королевство попало в беду и до сих пор ещё из неё не выбралось.

Во время его рассказа оружейный мастер отнял руку от сердца. Ему стало жарко.

«Я тоже хочу попытаться», – воскликнул он. «Не будь глупцом, – строго сказал сокольничий, – послушай совета и одумайся. У наследных принцев, которые привезли самые драгоценные сокровища своей королевской казны, не хватило золота и алмазов, чтобы выдержать испытание. А откуда ты, бедная голова, возьмёшь хотя бы серебро?»

Оружейный мастер засмеялся: «У меня как раз в кармане остался один заработанный серебряный талер. Он-то уж у меня, засверкает. А что до золота и алмазов, о них, быть может, позаботится небо».

«Может быть, может быть, – подшучивал сокольничий, наполовину жалея, наполовину упрекая, – жизнь твоя расколется как глиняный горшок. Жаль тебя».

Но оружейный мастер смело сказал: «Ну, довольно. Совсем не жалко, если я погибну. У меня нет родных». И он рассказал, что его воспитал умерший три года тому назад старый одинокий оружейный мастер. Он считал старика своим отцом.

«Он меня звал всегда Лесным Вереском. А когда мне исполнилось двенадцать лет – он сказал мне, что не он мой отец. На мой вопрос: «А кто же?» – он отвечал «Лес», а на мой вопрос: «А кто моя мать?» – он отвечал: «Вереск», и ничего больше он не сказал.

Оружейный мастер опустил голову, сокольничий замолчал.

Потом Кузнец встал. Взгляд его был серьёзен, но светел: «Я хочу, моё решение – твёрдо».

«Иди», – сказал сокольничий, расплатился и увёл молодого человека с собой.

«Возьму-ка я его в свой дом, – подумал он, тогда, ещё останется надежда, выгнать из него все эти причуды. Только странный у него вид, очень странный».

Но сокольничий ошибался, думая, что он может отговорить оружейного мастера от раз принятого решения. Он остался непоколебимым и не успокоился, пока королевской дочери не сказали: «Завтра придёт ещё один, – который добивается твоей руки. Вели приготовить всё для первого испытания».

Сокольникович должен был сам взять на себя это поручение. Дочь короля, как всегда опечалилась, услышав о сватовстве. А когда она узнала, что на этот раз придёт кузнец, то она испугалась. «Только бы не он», – подумала она. И в этот вечер перед сном она долго не могла найти покоя.

А оружейный мастер во дворе сокольниковичьего дома трудился над своим талером. Он поглядел на него и нашёл его не достаточно блестящим. Он положил его на твёрдую подставку, вынул свой молоток и начал ковать. Смеркалось, настал вечер, настала ночь, но он не отдыхал, ничего не пил и не ел, и всё ковал так, что летели искры.

«Лампы мне не надо», – сказал он. Дом сокольниковичьего был около самой скалы коршунов. Это-то Кузнец уж хорошо разглядел, потому что в сумерки со скалы доносилось отвратительное карканье. Только он не видел голодных глаз коршунов, потому что у него не было времени смотреть.

Когда уже совсем настала ночь, карканье коршунов стихло. Оружейного мастера что-то удерживало. Работа была уже закончена. Он превратил талер в тонкий, нежный, белым светом светящийся диск. Он смотрел на него, тихо радуясь.

И вдруг он услышал, что со скалы явственно доносится как бы глухой измученный человеческий голос:

«Я голоден..».

Оружейный мастер подошел поближе, посмотрел пристальнее. И увидел он прекрасного, большого Орла, который сидел на краю скалы, опустив крылья.

«Как ты попал на скалу коршунов, ты, могучий Орёл?» – с удивлением спросил оружейный мастер.

«Я не могуч, – ответил Орел, – я был могуч, когда я ещё мог летать – облетать всю Землю. Теперь я устал. Ах, нет, я только ослаб».

«А почему же ты не можешь летать, у тебя такие большие сильные крылья?»

«На что они мне, когда я не вижу. Я почти всё время слеп». И Орёл рассказал, что его во время большого перелёта по Земле заколдовал Злой Дух так, что он может видеть лишь во время полнолуния. Остальное время он не может летать и должен голодать, потому что у него нет пищи. И он наткнулся по карканью на коршунов, и они дают ему немножко своей добычи. «Но эта пища не для меня. Она меня не насыщает. А на то, чтобы найти мою пищу, у меня не хватает времени. За ней надо слишком далеко лететь».

Пока они так говорили, стало светлее. За королевским дворцом взошла Луна. Оружейный мастер взглянул и увидел, что она убывающая.

«Бедный Орел, – вздохнул он, – если бы я мог тебе помочь, если бы я мог тебя хоть раз досыта накормить. Разве нет средства тебя освободить?»

«Средство-то есть. А недавно мне показалось, что здесь уже замесили нужный хлеб. Если я поем прозрачного серебра, то я буду совсем сыт и стану опять видеть. А теперь я должен ждать полнолуния. Но тогда – когда я полечу вокруг Земли?»

Тут оружейный мастер забыл всё, что его ждало завтра. Сердце его стало тёплым и радостным. И не размышляя ни минуты, взял он свой драгоценный серебряный диск и протянул Орлу:

«Возьми и ешь».

Орёл попробовал.

«Это хороший круглый хлеб из серебра», – сказал он. И он съел всё, но без жадности.

А когда он съел, в его глазах зажёгся как бы звёздный блеск. Спокойно и сильно расправил он свои крылья. Теперь он казался вдвое больше.

«Хорошо», – сказал он, взглянув на Луну, – час был добрым». «Но и ты, храбрый Кузнец, был подстать ему. У тебя хватило силы его понять. А к тому, кто поистине силен, приходит и счастье. Я знаю, что ты сделал и что тебе предстоит. Летая по Земле, я выучился многим языкам. Есть не только громкое карканье коршунов, я слышу слова, которых не слышно. Ты отдал свою жизнь. Ты должен получить её ещё полнее. Выйди из ворот сокольниковичьего дома, поднимись на гору и с другой стороны подойди к подножью этой скалы. Там течёт маленький прозрачный ручеек. После полуночи опусти в него свою левую руку. И жди что будет дальше. Теперь я полечу. Мне надо торопиться – Земля велика».

Могучим пением зашумели в серебряном свете его крылья. Но, улетаая, он ещё раз крикнул оружейному мастеру: «Примечай. На третью ночь я задушу всех коршунов».

В изумлении посмотрел Кузнец на Орла. И когда тот исчез и на дворе стало ещё тише, чем прежде, ему показалось, что всё это он видел во сне.

Но всё же, выполняя совет Орла, он пошёл на ручей и после полуночи опустил туда свою левую руку. Когда он её вынул, то ладонь стала совсем серебряной и блестела таким блеском, какого он ещё никогда не видел.

Наутро в назначенный час он был в королевском дворце. И он так весело попросил, чтобы его ввели в серебряную залу, что пришедшие на испытание вельможи покачали головами и даже слуги пожалели храбреца.

«Мы знаем, чем это кончается», – подумали они.

В зале, где была собрана серебряная утварь, уже сидела королевская дочь со своими прислужницами. Оружейный мастер поклонился ей так доверчиво и радостно, будто его пригласили на гуляние на весеннем лугу. А у неё потемнело в глазах, когда она его узнала.

Немедленно была открыта драгоценная серебряная чаша. И вся зала в ту же минуту наполнилась неслыханным блеском, и вельможи насмешливо переглянулись. Тогда оружейный мастер только поднял свою левую руку и учтиво поклонился королевской дочери. И вот перед блеском руки побледнел блеск драгоценной чаши, и все остальное серебро стало матовым и серым.

Радостно покраснела дочь короля. Шум одобрения поднялся в зале. Испытание было выдержано.

«Да, но это только первое», – с ударением сказал старейший вельможа. И этим он нарушил очарование.

«Да, это только первое,» – повторил каждый из присутствующих; внутри каждого, однако, это звучало различно.

Королевская дочь дружески кивнула оружейному мастеру. На сегодня он был свободен.

Спускаясь по лестнице замка, он уже не думал об испытании. Он думал лишь о королевской дочери.

«Удивительно, – говорил он себе, – чем ближе я её вижу, тем она мне милее; но что-то есть между нами, словно она – далеко».

Задумчивым вернулся он в дом сокольничего, почти не обращая внимания на похвалы и удивление.

А королевская дочь ушла в свои сокровенные покои и отослала всех прислужниц.

Нежно говорила ей душа: «За этого я должна помолиться».

После полудня была большая охота. Там было дело и сокольничему. «Сегодня королевский охотничий праздник. Будут все охотники. Не хочешь ли и ты пойти?» – сказал он кузнецу.

А он с радостью был готов. Что ему иначе делать? На завтра приготовляться нечего. И он подумал: «Если не выручит меня цепочка, то всё равно все пропало».

Вместо оружия он взял дубину. Она ему подходила лучше всего.

В лесах того королевства были всякие звери, за которыми только можно охотиться: разные птицы, дикие звери всякой величины и различного вида. Олени, лоси, кабаны, и даже волки и медведи. Там стоял визг, лай, крик и гвалт. Охотники разделились на большие и маленькие группы, и много зверья было перебито.

Оружейный мастер был до того оглушён этим шумом, что шёл то за теми, то за другими. Вдруг, даже не заметив как, он очутился один в густом лесу. Ему это было всё равно. Он продрался через мелкий терновник и вышел к склону, поросшему тёмными соснами. Дневное Солнце так обогрело склон, что Кузнец присел отдохнуть и закрыл глаза, наслаждаясь покоем. Теперь ему снова был совсем близок образ королевской дочери.

Когда он пришёл в себя, то он не знал, как долго он сидел, грезил ли он наяву или немного заснул. Со склона, из-за больших сосен доносился глухой, почти рычащий стон. Он подождал ещё – не ошибся ли он... Но стон повторился, и он вскочил посмотреть, что там.

Но сейчас же отпрянул, потому что сразу за деревьями зияла глубокая, неприветливая пропасть. А край пропасти был совсем красным – там лежал большой Лев, и у него из глубокой раны сочилась кровь...

«Не бойся меня, – сказал он Кузнецу, – тебя и таких как ты я ещё никогда не обижал». Лев говорил с трудом и очень медленно. Это просто разрывало сердце жалостью.

«Как это тебя, милый Лев, так поранили охотники?» – спросил оружейный мастер. «Охотники... Они ко мне и близко то не подходят; моего дома в старой ясеновой роще не видел ещё ни один человек. Меня поразил злой Великан, и сражаюсь я с ним уже с незапамятных времён. Напав сзади, он поранил меня стрелой. И теперь исходит сила моего сердца. Старое предание гласит, что мы будем сражаться до тех пор, пока один не убьёт другого. На мне сбывается это предсказание. Если не случится чуда, то я умру ещё до ночи, и на Земле будет царить Великан. Горе тогда людям, горе многим существам. Они будут очарованы и примут облики рысей. Я ещё могу примириться с тем, что я должен умереть. Но здесь, в пропасти, далеко от моей ясеновой рощи, с этим я никак не могу примириться». С глухим, громким рычанием опустил голову раненый зверь, и это невольно вызывало благоговение.

«Разве нет средства тебя вылечить?» – ласково спросил оружейный мастер.

«Есть. Но только где его достать. Нужно чистое золото, не купленное, не краденое, не выторгованное. Это золото надо сделать жидким, влить в мою рану, и оно вернёт мне силу и здоровье. Но откуда взять такое золото?»

«Да вот оно, – воскликнул оружейный мастер и с быстротой молнии вытянул свою цепочку, – не крадено, не куплено, не выторговано. Только как его сделать жидким?»

Огненным взглядом окинул Лев цепочку. «Хорошее золото, чистое золото», – голос его был внятен, только немного дрожал. И он взглянул на Солнце. Его глаза становились всё больше и светились так необычайно, как будто они смотрели глубоко в Солнце и даже сквозь него. «Все чудеса вместе, – воскликнул он, – Солнце стоит на пороге, оно переступает его лишь однажды в сто лет. Держи цепочку на Солнце, и она превратится в текучее золото».

Уже нельзя было медлить. Оружейный мастер поднял цепочку, но едва не закричал. Цепочка раскалилась и так жгла, как будто хотела сжечь его до тла. Он согнулся от боли и хотел выбросить цепочку. «В левую, в левую», – закричал Лев, который следил за ним с горящими глазами. Оружейный мастер быстро переменял руку. Теперь он мог держать цепочку, хотя его правая рука ещё болела и горела. Левая же рука не испытывала никакой боли, на её чистой серебряной поверхности, как в чаше, струилось золото, ставшее жидким. Все оно претворилось в чудесную алую жидкость. Только внутри мерцала голубоватая капля. Это был замочек цепочки, потому что Солнце растопило и алмаз.

«Теперь скорее», – сказал Лев. С бьющимся сердцем влил оружейный мастер золото в рану. Несколько капель пролилось. Лев сейчас же нагнулся и подлизал их. «Доброе вино из земной крови, – сказал он, – но в нём я вкушаю и грядущее». Он потряс своей гривой, выпрямился и встал во весь свой рост. «Сын человеческий, – сказал он, – ты не раскаешься, запомни моё слово. Я знаю, что ты сделал, я знаю, что ты ещё должен будешь сделать и сделаешь. Все звёзды говорили со мной, когда раны были открыты. Не уходи ещё отсюда. Опусть свою дубину, вон она лежит, в мою кровь. А об остальном не печалься. Я хочу опять встретиться с Великаном. И запомни ещё одно: на вторую ночь я разорву всех рысей».

Мощным прыжком перескочил он через пропасть и исчез за хрустящими ветвями. Оружейный мастер попрощался с ним, радостно ликуя. Когда же он, как ему было велено, опустил свою дубину в львиную кровь, то произошло чудо. Дубина превратилась в чистое золото, и стала такой тяжелой, что он едва мог её поднять. Что ему до сожжённой руки. Он вскинул дубину на плечо, бодро пошёл и весело вернулся домой. Как раз в это время вернулся домой и сокольник.

«Ну, подстрелил ты большую птицу?» – спросил сокольник, смеясь.

«Нет, зато я принес себе новую птичью жёрдочку», – сухо ответил оружейный мастер.

А на другое утро оказалось всё же, что золотая дубина, принесённая оружейным мастером, была гораздо тяжелее, чем старое сокровище в казне умершего короля, и оружейный мастер выдержал испытание лучше всякого наследного принца из самого знатного королевского рода. Призадумались и даже примолкли многие из бывших в зале. Ещё более благосклонно, чем в первый раз, попрощалась с оружейным мастером дочь короля и вельможи.

А когда он спускался по лестнице замка – сильно жгла его солнечная рана, горевшая на правой руке. «Она так прекрасна, – шептал он, – что мне хотелось бы, чтобы она всегда была около меня». Но, идя дальше, он думал: «Почему моё сердце так весело? Ему следовало бы гореть, как моей руке».

А королевской дочери принесли в её покои много цветов. Но она сказала своим прислужницам: «Я не могу здесь дышать. Унесите их прочь». «Только розы пусть останутся», – тихо прибавила она. При этих словах она искала свой шёлковый платочек.

В том, что будет дальше, оружейный мастер был уже совсем беспомощен. Все его алмазы достались Льву. «Ну, что ж, – подумал он, – с тем, что у меня было раньше, всё равно многого нельзя было добиться». Ещё меньше, чем за день до того мог он придумать, как ему готовиться к испытанию. И он решил бросить всё и пойти побродить по королевству. «Где-нибудь я буду полезен, ведь есть и другие люди, кроме охотников». Мечтать о королевской дочери он не хотел и не мог. «К ней это как-то не подходит», – подумал он. Остаться в сокольничьем доме он не захотел. «Он только ворчит на меня, да не вовремя смеётся». Но всё же он не сердился на сокольничьего и помнил обо всём, что тот для него сделал.

Так пробродил он целый день по королевству, всё разглядывая, а подчас и помогая людям.

Под вечер же ему пришла такая мысль: «Если меня должен пожрать дракон, то лучше я по крайней мере хоть заранее посмотрю, где он живет». И он расспросил о дороге к драконову озеру.

Озеро было далеко от королевского замка, и на берегу его ютилось несколько жалких хижин. Там жили самые бедные рыбаки.

Оружейный мастер остановился около одной хижины и стал смотреть в воду. Вечер был ясным и спокойным, а волны на озере всё же сердито шумели и волновались. Неподалеку от берега он увидел в углу челне старую, худую женщину. Она гребла с большим усилием по направлению к хижине. Но ударами волн челнок относило всё снова и снова. Оружейный, мастер не мог этого вытерпеть. Он взял канат, прикрепил к стене хижины, и бросил его женщине. Но канат не достал до челнока. Он наклонился, но канат всё ещё не доставал. Тогда он сбросил одежду, без страха прыгнул в воду и по глубокому броду дошёл до челнока. Ему пришлось напрячь все силы, но он вытянул челнок на берег. Грубым голосом, но от всего сердца поблагодарила его старуха. А потом она взяла со дна челнока ещё трепещущих рыб и бросила их на берег. «В сети было ещё больше, – проворчала она, – но кто их оттуда вытянет?» Поражённый оружейный мастер спросил её, неужели она совсем одна, и она ему рассказала, что рядом в хижине лежит при смерти её муж, восьмидесятилетний старик. «Эге, – усмехнулся про себя оружейный мастер, – теперь я знаю, тут есть работа. Только легонько, легонько, одно за другим». Он узнал у женщины, где закинута большая сеть и, не слушая её предостережений и просьб, не обращая внимания на волны, которые всё время ворчали и пенились, ещё раз выплыл на озеро и привёз полный челнок рыбы. Потом он вычистил весь двор, пошёл в погреб, наколот дров, наносил их, словом, сделал всю мужскую работу, заброшенную уже целые недели.

А принесённые им рыбы были необычайно велики и красивы. Пока он так хозяйничал, женщина взяла несколько рыб и положила их в большое сито. Она понесла их к постели своего мужа, ей не хотелось отказать себе в радости доставить ему удовольствие этими рыбами, а кроме того она хотела ему рассказать, какой удивительный чудак пришёл к ним на помощь. Муж её лежал в сильном жару и наполовину понимал слова. Но всё-таки он взял решето и пощупал рыб.

Из решета он вынул одну рыбу, ему показалось, что у неё удивительные плавники. Он с любовью посмотрел на неё и совсем ожил. У рыбы, нежно блистающей золотом, с одной стороны вдоль головы шёл удивительный крестообразный знак. «Это святая рыба, – воскликнул старик, – она поймана не для людской пищи. Много поколений её не видели. То, что она пошла в сеть, возвещает великое чудо. И много, много рыб в озере станут молодыми. Сегодня ночью умрёт дракон!» Светлый покой осенил при этом лоб старика. Он откинулся и тихо сказал: «Мне больше не больно». Казалось, ему хотелось уснуть.

В смущении и удивлении вернулась назад женщина. Она пошла на кухню, где в очаге давно горел огонь. Она решила сварить простой обед, главным образом для незнакомца, который тоже пришёл на кухню. Наступила ночь. Великая тишина стояла в воздухе, и было холодно, как поздней осенью. Хотя не

было никакого ветра, озеро волновалось и шумело злыми голосами. Оружейному мастеру было хорошо у тёплого очага. Скоро еда уже стояла на столе и женщина как раз хотела нарезать ещё несколько кусков хлеба, как из соседней комнаты раздался зов: «Иди, иди скорее». Хоть и чист был голос, а от него пробегала дрожь по телу. Женщина потянула за собой оружейного мастера. Переступив порог, они увидели, что старый рыбак встал с постели. «Идите», – он схватил их за обе руки и с юношеской силой потянул к окну. И, указывая на бушующее озеро, он сказал: «Наступило время нового улова. Смотрите, смотрите, уже закинута удочка!»

Ярким светом горело небо.
Звездный дождь шёл над озером.
И наступил мир снаружи и внутри.

«Это к лучшему», – сказала на другой день женщина, стоя у тела своего мужа; сказала и выпрямилась. «Да, это к лучшему», – ответил оружейный мастер, – и ты поистине будешь утешена». И он вышел посмотреть на озеро, оно стало почти прозрачно-голубым. На берегу его нога наткнулась на какую-то странную вещь. Он поднял её – это был молоток без ручки. Он был изготовлен из железа, незнакомого оружейному мастеру. «В каком горне его прокалили?» – удивлённо спрашивал он себя. Он стал сейчас же подыскивать ручку. И вот оказалось, что последняя сломанная удочка рыбака как раз подходила к отверстию. Он взял этот странный молоток, сказал жене рыбака, что она только должна всё приготовить к погребению рыбака, а уплатит за всё он сам, и затем он поспешно пошёл по дороге к королевскому замку. Час уже настал.

С раннего утра уже распространилась весть о странном превращении озера. Но когда об этом известии доложили королевской дочери, она только кивнула. Она всю ночь стояла у окна и смотрела в небо. Она надела своё самое простое платье и не захотела никаких украшений. Она была бледна и порывисто дышала, но всё же твёрдым шагом прошла залу. Там собрались все царедворцы, а во главе их самые знатные вельможи. Торжественная тишина была в зле. Едва дышали. Некоторые даже закрывали глаза. И не только из-за необычайного блеска алмазов. А во дворе замка и перед ним были шум и волнение. Тысячи людей пришли, чтобы сразу узнать об исходе третьего испытания.

Когда оружейный мастер появился, то весь народ в смущении отступил назад. Образовалась широкая улица. И стало совсем тихо, хотя каждый перегибался через другого, чтобы посмотреть; и когда оружейный мастер проходил, вокруг были шум и волнение. А он шёл как бы в сопровождении невидимой свиты, не отрывая взора от замка. Молот он спрятал под платье.

Его торжественно встретили у дверей алмазной залы. Он сказал: «У меня нет алмазов. Я пришёл так, как я есть». Хотя он говорил негромко, его услышали все, бывшие в зале. У всех подкосились ноги. А королевская дочь подпёрла рукой голову.

Спокойно вышел оружейный мастер и встал посреди залы. Он вынул свой молот и легонько ударил им об пол. И раскололся алмаз по имени «Колун» и треснул наследственный перстень королевства. А все другие камни изменились. Тёмные стали прозрачнее, светлые начали светиться из глубины.

Все встали. Самый старый вельможа скрестил руки на груди и сказал: «Наследственный перстень раскололся. Отныне королевство уже не будет переходить по наследству». И он приветствовал нового короля, посланного небом. Один за другим приветствовали и царедворцы, а потом они радостно покидали залу. Но старейший вельможа, прежде чем уйти, взял за руку оружейного мастера, подвёл его к королевской дочери и сказал: «Она – твоя. Он – твой».

И снова стало в зале совсем тихо.

А на дворе поднялось ликование. Оно пошло, побежало по всей стране и далеко за пределы королевства.

Двое остались в зале. Много могли они сказать друг другу. Но всего этого нельзя было выговорить. Они долго молчали. А оружейный мастер ещё хорошенько не знал, кем он был: кузнецом или уже королём. Кроме того, его ещё заботило всё, пережитое вчера. Он не понимал ещё, как ему растить

почку, распутившуюся для него на дереве судьбы. Наконец он нежно взял королевскую дочь за руку и сказал: «Моя. Нет, не моя. Кто посмеет обладать другим человеком. Я люблю тебя и потому ты будешь свободной. Позволь мне быть спутником, тебя охраняющим. И я разобью камни, которые мрак положит на твоей дороге». Она ответила только: «Спасибо». Но в этом слове была несказанная святость. Это был вздох трёх горьких ночей. Потом нежно повела она его в угол зала. Там в искусной деревянной раме висел портрет молодой женщины, похожей на ангела. При виде её ему захотелось молиться. И она сказала: «Это портрет моей матери. Такой я храню её в моём сердце. Посмотри, я говорила с этим портретом немymi словами, произнесённые вслух они были бы осквернены. Мне много надо было спрашивать в последнее время. Перед этим портретом я хочу тебя о чём-то попросить. Исполнишь ли ты мою просьбу?» «Да, – ответил он. – Каждую, в духе тобой произнесённую просьбу». «Тогда, – и голос её задрожал, – пусть наша свадьба будет ещё не сейчас. Если ты меня любишь, позволь мне подождать ещё короткое время. Может быть, только до полнолуния».

Он стиснул губы. Он почувствовал боль. Но словно она была не его собственной. Но всё же он бодро сказал: «Хорошо. Но помолвку-то мы можем отпраздновать?» Она опять вздохнула. «Да, – ласково и тихо сказала она. – Помолвку мы можем отпраздновать». «Так, – опять сказал он, – а в промежутке я займусь моим ремеслом. Мне хочется поколотить новым молотком». Она улыбнулась. «Только, – сказал он, – раньше мне надо выполнить один долг». И он рассказал ей о том, что вчера случилось с ним у бедных рыбаков и о том, что он должен позаботиться о погребении. «У меня не хватает благодарности. Я не знаю, что со мной происходит со вчерашнего дня. Я смотрю иными глазами. Я слышу иными ушами. В моём сердце бьётся новое сердце. Я думаю, что я теперь начинаю делаться настоящим человеком».

Королевская дочь сейчас же объявила, что хочет принять участие в погребении. Оба призвали для этого всю свиту. И понятно, что кого не призвали, тот пришёл и сам. Но прежде всего королевская дочь захотела увидеть лицо рыбацки.

Она пошла со своим женихом на озеро. Как удивилась старая женщина, которая в своей печали не обращала внимания на людские речи, когда она увидела своего вчерашнего гостя с такой свитой! Королевская дочь тоже не могла вдоволь насмотреться на сияющее лицо рыбацки. А её провожатый стоял в благоговении и удивлялся тому что он видел.

Старая рыбацка была очень бедна и ей трудно было всё приготовить. У неё не было ни покрывала, ни тонкого платка, чтобы чистым накрыть покойного. Она шепнула об этом своему помощнику. Он тихо сказал об этом королевской дочери. Тогда она сняла со своих плеч шёлковую мантию и накрыла ею рыбака.

А на мантии были вышиты знаки древнего королевства.

Так с величайшими почестями, как сам король, был погребён старый рыбак. А после погребения помощник сказал рыбацке: «Я не забуду тебя».

Наступили приготовления к празднику помолвки, и тысячи рук получили работу. Но это была весёлая работа, радостная. Ибо пиршество готовилось только из того, что без боли дарит Земля. Всех домашних животных пощадил, а также диких зверей в лесу, и рыб в ручье, реке и озере. Так велел прежний оружейный мастер, который сейчас же отдал приказание: «Никто не должен говорить о короле, а только о Вожде». Впрочем, он остался кузнецом. А пока шли приготовления к большому празднику, удивительные вести доходили до Вождя.

Пришёл сокольничий и доложил: «Все коршуны на Коршуновой скале задушены». А один ловчий принёс весть: «Все рыси в рысьей пропасти разорваны». А когда спросили о времени, то оказалось, что всё это случилось в ту ночь, когда звёздный дождь шёл с неба над озером.

Из каждого двора в королевстве к столу были приглашены гости. Столов было видимо-невидимо. Началась трапеза, зазвонили все колокола в королевстве. И тогда к месту, где сидел Вождь и королевская дочь, торжественно приблизились три процессии. В первой процессии люди были одеты в сияющее жёлтое; во второй процессии одежды были небесно-голубыми, а в третьей – розово-красными. В третьей процессии у всех были скипетры, это была самая маленькая процессия. Но и в двух других процессиях шло несколько скипетроносцев. Первые подошли к Вождю, поклонились и сказали: «Нас посылает Орёл. Он велит тебе сказать: время злого духа скоро минует. Всё свободнее становится летать по Земле. Не забудь слов: то, что было истреблено – станет больше».

И вторые подошли к Вождю, поклонились и сказали: «Нас посылает Лев. Он велит тебе сказать: Великан ввержен в пропасть, бездна закрылась. Не забудь слов: то, что правильно сочетается – целит».

И также поклонились и третьи и сказали: «Дракон умер. Но дно озера стало сегодня ночью кристаллом. И там алмазом написаны слова: кто верно куёт – должен господствовать».

За столами никто не знал, кто они такие. Тогда они рассказали, что они были вельможами, дворянами, принцами и наследными принцами, когда-то не выдержавшими испытания. Все они, погибшие на Коршуновой скале, в рысьей пропасти и в драконовом озере, были освобождены и одарены новой жизнью. Лицо королевской дочери светилось, как весеннее Солнце. А Вождь с великой радостью и благодарностью велел поставить широкие столы для почётных гостей. И скоро новые гости целиком слились с весёлым праздником. Только один из второй процессии, прежде чем сесть, ещё раз подошёл к Вождю и шепнул ему: «Лев велит тебе сказать, что он не хочет стареть в ясеновой роще, что он ищет себе нового места среди берёз». Вождь понял и пожал ему руку.

Трапеза продолжалась при величественном блеске Солнца. В конце пиршества должны были объявить о том, что когда Луна снова станет полной то будет такой же пир, только ещё богаче и к нему будут приглашены и все соседние королевства. Он будет продолжаться семь дней и он-то и будет самой свадьбой. Слуги уже хотели подавать самые редкие плоды, но внезапно они были прерваны.

Среди тысяч гостей вдруг появился прекрасный, высокий Олень. Он шёл, не смущаясь крикам и зовам, прямо к столу Вождя и королевской дочери. Перед ними он склонил свои ветвистые рога и сказал: «Мне много тысяч лет, но такого праздника я ещё не видел. Теперь ударь меня молотом по голове. Я хочу умереть». Вождь испугался и сердце его огорчилось. «Как я могу сделать это на таком празднике, когда я сам же велел не убивать ни одного животного». Но Олень повторил свои слова ещё настойчивее. Вождь молчал. Тогда самый старый ловчий, приближённый покойного короля, сидевший за тем же столом, что и Вождь, крикнул ему: «Это – тот, из-за которого умер король. У тебя долг перед всем королевством». «Ну хорошо, в последний раз», – сказал Вождь. Он взял свой драгоценный молот и ударил. Но когда этот молот коснулся головы Оленя, вместо него вдруг предстал прекрасный божественный Отрок.

Все гости долго молчали, а потом все в величайшем благоговении встали. А Божественный сказал: «Я был хранителем леса. Осуждённый на облик зверя, пока на земле существует охота. Но после этого обручального пира я могу уйти при свете, который есть мир. Но все вы, жених и невеста, все свадебные гости, слушайте тайну, которую знаю только я: обручённые – брат и сестра».

Словно молния ударила в толпу. Но никто не опечалился. Вождь и королевская дочь держали друг друга за руки. А Божественный продолжал говорить и рассказал, как всё это случилось.

У последнего короля этого королевства в одно и то же время родилось двое детей: мальчик и девочка. В королевском замке и по всей стране была тогда большая радость. Однажды, когда детям не было ещё и года и они были только что отняты от материнской груди, к королю пришёл один прорицатель будущего. «Твой сын, – сказал он, – не будет продолжать твоего рода и королевство не будет больше наследоваться. А твоя дочь выйдет замуж за величайшего короля, который выдержит три испытания: серебряное, золотое и алмазное». Вымолвив это, прорицатель исчез так же загадочно, как и появился.

Но от этих слов стало королю очень тяжело. Он любил своих детей, но ещё больше он любил своё королевство. Дни и ночи думал он и мучился: «Могу ли я воспитывать того, кто погубит королевство?» И всё яснее становилось ему, что он должен принести жертву королевству. Но как её принести? День ото дня он всё больше любил мальчика. Наконец, он решился на обман, в который он посвятил только нескольких, до конца преданных ему слуг. Но и с них была взята клятва, что они никогда ничего не выдадут. Все приготовления были окончены. Поздней осенью, после одной бурной ночи король распустил слух, что дракон, который живёт в озере и которому с давних пор приносились жертвы, похитил королевского сына и унёс его в озеро. И он произнёс страшное заклятие, грозя гибелью и королевской дочери, если кто-нибудь станет громко плакать или жалеть о её брате. Уже сто лет, как дракон не выходит

больше из озера и только всегда во время новолуния ему приносили в жертву определённых по роду и числу животных. В этот день драконово озеро так шумело и волновалось, что совсем можно было поверить этому слуху, даже если бы не слова короля. Никто не смел громко печалиться, а вот бесконечно глубокая боль в полной немоте проходила через сердца людей. Но королева с того дня стала сохнуть от печали, хотя дочь её всё больше расцветала.

А на самом деле мальчик не умер. Ночью велел король отнести его на уединённую лесную поляну. Там его принял бездетный верный королю кузнец. Ему и его жене король решил доверить жизнь и воспитание своего сына. Оружейный мастер должен был обещать никогда, никогда не раскрывать своему приёмному сыну его настоящего происхождения.

Больше король уже никогда не радовался. А когда его уж очень давила его вина, то он искал успокоения в охоте. Всё шумнее становились охоты. Страдали безвинные лесные звери. Известно, как погиб он на лесной полянке.

И в этот же день умер и старый оружейный мастер. В стране никто не знал тайны, потому что слуги, ранее заслужившие доверие, были богато вознаграждены и высланы из страны. Пусть не осуждают теперь короля. То, что он сделал, было совершено в страхе перед законом старого царства. В новом господствует мужество и...»

Последнего слова Божественный не выговорил. Он склонился как будто перед кем-то невидимым, Высоким и исчез, благословляя всех. Но на том месте, куда он устремил свой взор, выросло дерево. Оно зацвело, как весной, и тотчас-же покрылось чудесными сверкающими плодами. Таких листьев, цветов и плодов ещё никто не видел ни в лесах, ни в садах.

Вождь обменялся тихими словами с королевской дочерью, а потом обратился к гостям: «Вы слышали, что произошло. Свадьбы никогда не будет. Я спрашиваю вас теперь от своего имени и от имени невесты, моей сестры, не начать ли нам все же с праздника? Мы будем праздновать по-нашему, но новому. Хотите ли вы быть вместе?» «Да, – прозвучали тысячи голосов. – Мы хотим». «Хорошо, – сказал Вождь, – это сказано от души. А это уже наковальня, на ней можно ковать. Первый удар означает праздник, остальное придёт!» И он подал знак, чтобы все снова сели.

«Странно, – сказал про себя старейший из вельмож прошлых королевских времен, – то, что ничто больше не будет наследоваться через рождение, это уже раньше мне возвестил мудрец. Но теперь я вижу, что в будущем благодаря рождению ничего не будет утрачиваться...» Слуги же с большим усердием спешили принести то, что оставалось от блюд.

Вождь подошёл к чудесному дереву, сорвал один плод и подал его своей сестре. Она разделила плод пополам и дала ему половину. Оба отведали плода. Нельзя и рассказать, как чудесен он был на вкус. Благодарность, переливающаяся через край, наполнила вкусивших.

Тогда Вождь сорвал ещё плод, ещё один и ещё один. Брат и сестра поделили их между гостями, и те делили их ещё дальше и дальше, пока каждый не получил по кусочку. И все ели. «А остальные плоды, ещё висящие на дереве, останутся для тех, кто придёт потом», – подумал Вождь.

Во время еды один из гостей сказал своему соседу: «Вот в этом всё и есть. Всё сокрыто в дележе». «Да, – сказал сосед, взглянув на Вождя, – когда это так делается». В трапезе принимал участие и сокольничий, он как раз сидел за столом Вождя. К концу еды он проворчал: «Гм, все это очень хорошо. А что же будет с нами? С охотой ведь здесь не пройдёшь». Вождь весело улыбнулся и погрозил ему пальцем. «Сокольничий, – сказал он, – верный глаз не должен остаться без дела. Тебе и твоим товарищам поручаю я заботиться о зверях в лесу и смотреть за весенними птицами. Но если ты увидишь когда-нибудь весеннюю птицу, летящую с севера, скорей беги за мной и буди даже среди ночи». Сокольничий был очень удивлён, однако сказал: «Да». А про себя подумал все же: «Я сразу по его лбу заметил, что он изменит либо себя, либо мир потрясёт. А кажется, он сделал и то, и другое».

Прежде чем гости разошлись, Вождь им сказал: «Идите на улицу и скажите всем: этот праздник будет долго длиться, но только тот, кто не слышит молотка, может пропустить его».

От плода, который он съел, Вождь взял три зерна. Под вечер пошёл он со своей сестрой на могилу старого короля. Рукой, несущем на себе солнечный знак, бросил он зерна на могилу и крикнул: «Спасибо».

Потом брат и сестра пошли на озеро. Как они были удивлены, когда им навстречу с берега пошла большая толпа народу: молодые и старые, мужчины и женщины, больше бедных, но были и богатые. Все они были радостно возбуждены и о чём-то весело говорили. Почтительно приветствовали они брата с сестрой. Когда Вождь остановил некоторых, чтобы узнать в чём дело, то он узнал, что это были люди, не приглашённые сегодня на пиршество. Им всем пришла в голову мысль пойти искупаться в озере, освобождённом от дракона. Но здесь-то и начались чудеса: все калеки, искупавшись, стали здоровыми. И поэтому собралось так много народу. Тогда понял Вождь, что праздник был больше, чем он мог подумать.

На берегу они встретили старую рыбачку, которая ухаживала за самыми бедными больными, осыпая со всех сторон благодарностями и дарами.

Вождь протянул ей руку и сказал: «Я ведь знал, что ты больше не будешь нуждаться в моём утешении». И подумал о том, как видел её стоящей у тела её мужа.

Вождь так и остался кузнецом, но он выковывал редкое оружие. Прежде всего он перековывал все скипетры. У него было много дел с тем, что ему прислали наследные принцы. Он сказал им: «Идите в ваше царство. Указывайте людям те слова до тех пор, пока в вашей руке остаётся явный знак указания».

А дела его сестры невесты были более сокрыты, менее видимы. Они были источником юности для Вождя. На могиле короля выросло из семян чудесного дерева густая живая изгородь, обильно цветущая каждую весну. А само дерево каждую осень приносило чудесные святые плоды. Немного позднее, чем другие деревья, но зато дольше их. Женщины, их евшие, всегда оставались прекрасными, как невесты, а мужчины весь год смеялись над усталостью или нездоровьем. Вождь королевства и его подруга верно хранили свою братскую помолвку. У их рода не было потомков.

Но всего от их рода произошло более ста тысяч людей.

Всё это будет, пока не прилетит весенняя птица с Севера.

Об авторе

Один из ближайших учеников Рудольфа Штейнера.

Родился 5 мая 1890 в Pernau/Эстония, умер 20 июня 1970 в Штутгарте. Герберт Хан учился в Гейдельберге, Париже, Берлине и Грейфсвальде. Получил ученую степень доктора филологии. Еще учась в Гейдельберге познакомился с работами Рудольфа Штейнера. Стоял у истоков образования Вальдорфской школы. Входил в коллегия преподавателей первой вальдорфской школы. Молодым преподавателям Рудольфом Штейнером была поставлена задача – исследовать языки и характеры народов Европы. В еженедельнике «Дас Гетеанум» за 1921 год, Р. Штейнер пишет: «Доктор Герберт Хан принимает участие в лингвистических исследованиях. Результаты его исследований прошлого и современности проникнуты внутренним обширным видом, и выражены глубоко духовнонаучно.»

После этого Герберт Хан много путешествуя по Европе стал автором большой книги-двухтомника «О Гении Европы», которая была переведена на многие языки. В конце своей жизни Г. Хан написал автобиографическую повесть «Der Weg, der mich fuhrte», которая также является уникальным произведением, описывающая становление вальдорфского движения, и дает интересные перспективы развития антропософии. Так же он является автором воспоминаний о Р. Штейнере "Рудольф Штейнер, каким я его запомнил".